

**СЕРГЕЙ
РАТКЕВИЧ**

ИСКУССТВО
ПРЕДАВАТЬ

Сергей Раткевич

Искусство предавать

Серия «Время золота, время серебра»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=48471544
ISBN 5-699-14463-3

Аннотация

Кто такие гномы? Непревзойденные горных дел мастера? Или же непревзойденные воины – цверги? Опасно или выгодно для Олбарии соседство с подгорной страной Петрией?... Это было давно. Подземные воители-цверги вышли из пещер Петрии, чтобы захватить земли жителей «верхнего мира» – землю людей. Казалось, ничто не может остановить победоносное шествие закованного в стальную броню гномьего шарта, покорявшего один край за другим. Таны Олбарии готовились принять последний, неравный бой, но неожиданно пришла помощь. Эльфы Изумрудных Островов встали рядом с олбарийцами, и захватчики были разбиты. Побежденные поклялись никогда не поднимать меч на победителей, и им разрешили вернуться в свои пещеры. С тех пор прошли века. Эльфы исчезли, Петрия затаилась, а в мире людей честь все чаще уступала подлости, а меч – кинжалу. Занятым войнами и интригами олбарийцам стало не до старых врагов. А зря...

Содержание

Сергей Раткевич	4
Лжец	5
Шут	50
Конец ознакомительного фрагмента.	66

Сергей Раткевич

Искусство предавать

– А это значит...

– А это значит, что не пройдет и двадцати лет, как их «Крыша Мира» обрушится им на голову.

– Значит... снова война?

– Война? Вздор! На сей раз они не станут грабить и насиловать. Они просто выйдут и пойдут.

– Куда?

– Куда-нибудь. Не важно куда. И ничего живого на их пути не останется. У них нет выбора.

– У нас тоже.

– У нас есть. Мы можем пропустить их... или уничтожить.

– Погоди. Давай подумаем, что бы мы сделали на их месте.

– Ну... я выслал бы лазутчиков все разузнать, а тогда уж...

Лжец

Уверенным безмятежным жестом он коснулся своего непривычно голого подбородка. Непристойно голого. Легкая дрожь омерзения не встряхнула его пальцы. Он не смел позволить себе этого. Он привыкнет, привыкнет... уже привык. Ведь он бреется очень давно. Всегда, с того самого момента, когда первый юношеский пушок тронул его щеки и подбородок. Коротышка с бородой – это слишком смешно, а ему и без того хватило насмешек. Так что он никогда не носил бороду. Никогда.

Это первая ложь, сказал он себе. Первая, но не последняя, потому что он теперь карлик, коротышка, несчастный безбородый урод. И так было всегда. Всегда. Он не смеет помнить ничего другого. Ничего другого не было.

До сего дня он не солгал ни разу. Когда-то все случается впервые.

Мои руки не должны дрожать, напомнил он себе.

Руки не дрожали.

Это первая ложь... первая...

Он знал, что ему предстоит лгать еще долго. Очень долго. Жить ложью, одеваться в ложь, спать на лжи, питаться ложью, дышать ею, захлебываться, корчиться в агонии, каждодневно корчиться в агонии, ибо беспросветно лгать невыносимо. Но он будет лгать, лгать и еще раз лгать. Потому что

другого пути нет. Потому что есть только этот.

Он еще раз коснулся подбородка, привыкая к ощущению.

Многие люди всю жизнь бреют бороды. И усы. И волосы. И вообще все, до чего могут дотянуться. Эти психи бреют все. Правда, так поступают не все люди, а только некоторые. Хорошо, что они есть, эти некоторые. Благодаря им его ложь вполне осуществима. Хорошо, что их не так уж много. В мире поголовно бритых он бы свихнулся.

Он окинул прощальным взором каменную тайнопись родного мира. Спокойно и отрешенно, как смотрят умирающие. Но он не умирал. Он уходил наверх. К людям. Он, Шварцштайн Винтерхальтер, короче именуемый просто Шарц, единственный гном, сбривший бороду. Лазутчик. Шпион. Лжец.

– Пойдем, безбородый безумец, – раздался над его ухом тихий голос Наставника. – Я покажу тебе Тайную Дверь. О ней известно немногим, и ты не скоро узнал бы эту тайну, быть может, я и вовсе не доверил бы ее тебе... – голос Наставника пресекся. – ...если б не то, что ты, может статься, последняя наша надежда... последняя надежда всего народа гномов, – окрепнувшим голосом закончил наставник.

– Безбородый безумец... – пробормотал разведчик. – Что ж... именно так я стану подписывать все свои донесения. И пусть мое безумие принесет нам удачу!

Вот и вторая ложь. Страшнее первой. Я ведь предаю тебя, Наставник. Знаешь?! Ты так старался воспитать из меня

настоящего гнома. Учил. Заботился. Душу вкладывал. А я предаю тебя. Нагло, мерзко, грязно предаю тебя и твою «последнюю надежду». Ты смотришь на меня и видишь взлелеянного тобой героя? Ложь, Наставник. Я не герой, я – мразь. И я растопчу твою последнюю надежду, потому что глупо надеяться на реванш, глупо мечтать о прорыве. Но ты никогда не поймешь этого, несчастный наивный старик, так же как никогда не расстанешься добровольно ни с единым волосом своей бороды. Я впервые увидел, как ты плачешь, когда брил свою. Ты счел это подвигом. Это не было подвигом, Наставник, просто выхода другого не было. Знаешь, если бы все гномы были похожи на тебя, нам не пришлось бы бояться людей. Потому что твоя ненависть к людям благородна. Потому что как истинный воин ты обратил бы к врагу ярость, а не мерзость. И ты бы сражался с равными. Только с равными. Благородные враги – величайшая ценность. Они дороже всего золота и самоцветов мира. Будь все гномы похожи на тебя, люди запомнили бы нас как великих воинов, а не как палачей и мерзавцев, измывающихся над слабыми и сдающихся сильным. Я люблю тебя. Наставник. Прости, я никогда не скажу этого вслух. Вместо этого я предам тебя. Это лучшее, что я могу подарить тебе и другим гномам. Я бы хотел, чтоб все вышло иначе, но у меня просто нет выхода. Прости...

Когда-то ты сказал мне:

– Гномы побеждают любой ценой. В конце концов, это

происходит.

И ты ждал этого своего «в конце концов», ждал неистово, истошно. А потом время закончилось, и у тебя не осталось ничего, кроме твоей «последней надежды». Меня. Меня, посланного разведать наилучшие кратчайшие пути для отчаянного самоубийственного марша под копыта человеческих копей. Ты веришь, что этот рейд увенчается успехом? Что ж, верь. Каждый должен во что-нибудь верить. Но я из твоего наставления запомнил другое – «любой ценой», сказал ты. Любой. И я запомнил. А потом думал. Долго думал. Ты очень хорошо научил меня этому, недаром ты – лучший наставник. И я понял то, чего не понял ты сам. В твоих словах был ответ на так мучивший тебя вопрос «что же теперь делать?». Гномы побеждают любой ценой. Любой. И если цена победы – поражение, они платят ее и живут дальше. И побеждают. «В конце концов это происходит». Поэтому я предам тебя, Наставник. Предам, потому что наша нынешняя победа – в поражении. В добровольной сдаче на любых условиях. Потому что только поражение сохранит нас для грядущих побед. Мы слишком плохо знаем людей. Для того чтоб их победить, нужно пожить рядом с ними. Подышать воздухом их мира.

Ты посылаешь меня за войной – я принесу мир. Клянусь. Мягкая полутьма узкого хода сменилась яркими огнями дворцовой галереи.

«Ото! – подумал разведчик. – Резиденция самого Якша!»

Дальше – больше. Похоже, они направлялись в личные покои Подгорного Владыки.

«Вот слышал же, что наставник вхож к Владыке, а не верил! С другой стороны, и дело-то ведь какое! Владыке тоже небось выжить охота».

Вокруг было удивительно пусто. Словно и не дворец.

«Кто-то об этом позаботился».

Еще несколько лестниц, поворотов и переходов, и «позаботившийся» уже открывал им дверь. Разведчик оторопел. Это был сам Якш.

– Входите живей! – буркнул он. – Не торчите на пороге. Не ровен час, увидит кто.

Разведчик шмыгнул внутрь. Его наставник тяжело шагнул следом, и Якш запер дверь своим перстнем. Щелкнули хитроумные механизмы, дверь слилась со стеной, исчезла, теперь никто, кроме самого Якша, не сможет ни отыскать ни отпереть ее.

«Какие мастера работали!» – мимоходом восхитился разведчик.

– Говорят, ты принесешь нам удачу, Последняя Надежда Гномов? – спросил Владыка, его глаза смеялись яростным смехом воина, а руки играли ритуальным молотом – золотой игрушкой чуть больше ладони, символом власти Подгорного Владыки.

– Меня зовут Безбородый Безумец, о Владыка Всех Гномов! – ответил разведчик, склоняясь до самого пола.

– Вот как? Что ж, я запомню, – промолвил Якш, и вскинул руку с золотым молотом, на миг прижав его к сердцу, в древнем ритуальном салюте воина, уходящего на смертную битву.

«Ты тоже жаждешь реванша, – подумал разведчик. – Ну конечно, жаждешь. Как может быть иначе? Значит, и тебя я обману. Предам. Ты хочешь войны, а я накормлю тебя миром. Прости, Владыка, если это отравит тебя!»

Еще одна ложь, думал он. Всего лишь еще одна. Привыкай, Шарц, тебе это понадобится...

А Владыка, скосив глаза на Наставника, дождавшись, когда тот на миг отвернулся, вдруг быстро перевернул золотой молот рукоятью вверх. Разведчик задохнулся от изумления. Перевернутый молот, прижатый к сердцу... это же...

«Якш все знает!»

«Он не может этого знать!»

Подгорный Владыка вновь мельком глянул на Наставника и вернул свой молот в прежнее положение. Подмигнул.

Молот, перевернутый рукоятью вверх... боевой молот, перевернутый рукоятью вверх, – предложение мира!

Предложение мира.

Вот так – и никак иначе. Якш все знает. Знает. Якш знает все. Но как же это возможно? Как?! Он никак не мог проникнуть в организацию сторонников мира. Мы тщательно скрывали свои встречи, стереглись, ничего не доверяли ни пергаменту, ни случайным свидетелям. Секретность была совер-

шенной. Или... или все-таки нет? Это пока я напоминал об осторожности, они были осторожны, а теперь? Поздно сейчас думать об этом. Просто поздно, и все.

– Идем, – сказал Якш.

Почему-то от осознания, что Владыка лжет вместе с ним, разведчику стало легче. Словно бы ложь, поделенная на двоих, оттого и вправду уменьшилась. Ложь всегда остается ложью, напомнил он себе. Всегда. Даже разделенная с Владыкой, она не становится правдой. Никогда.

Тайный Вход караулили два гнома из знаменитой личной охраны Якша. Грозные боевые молоты взлетели, прижались к сердцам.

Еще один боевой салют!

Еще одна ложь.

– Постой, – вдруг сказал Владыка. – Выпей! В его руке, на золотой цепочке покачивался маленький кувшинчик из цельного рубина.

«Если в нем то, что я думаю...»

– Это «Слеза Гор», – сказал Владыка Всех Гномов. – Ты не будешь чувствовать ни боли, ни усталости, ни страха...

Только безмерное удивление, о Владыка! Эта штука стоит не меньше, чем ящик первосортных изумрудов!

– ... твой ум останется ясным, а сердце будет спокойно, – закончил Якш.

– Благодарю, Владыка, за этот неоценимый дар, – неловко пробормотал разведчик.

Выпив предложенное, он быстро шагнул к двери. Тайная Дверь, личная дверь самого Якша, бесшумно открылась, и наступающее утро шагнуло внутрь. Разведчик шагнул ему навстречу.

Утро – замечательное время. Время, когда у человеческих часовых слипаются глаза и один безбородый гном может еще немного прожить без лжи.

Когда прошлого уже нет, а будущее еще не началось, когда смешной маленький человечек еще не возник, а гнома уже не осталось, тогда... трудно сказать, по чьим именно жилам мощно струилась «Слеза Гор», – может быть, его и не было вовсе, этого кого-то?

Да разве бывают безбородые гномы? Шутите! Лишить гнома бороды можно только вместе с головой. Так что человеческие часовые и в самом деле ничего не заметили. Нечего им было замечать. Некого.

Сумерки, пролитые на землю, были великой милостью господней. Во всяком случае, карлик в ветхих одеждах паломника и с паломничьим кошельком, привязанным к посоху, нисколько в этом не сомневался. Все есть великая милость Единого Бога-Творца – люди, именуемые паломниками, считают именно так, а ведь я теперь и человек, и паломник.

Выцветшая серая одежда почти растворяется в сумерках. Это хорошо, что растворяется, потому что сейчас я сойду с тропинки, на которую недавно свернул, выберу местечко посуше и со стоном рухну на землю. Ну ладно, не буду сто-

нать... хотя очень хочется. Очень. Почему? Потому что в голове сидит сотня сумасшедших гномов, они вдребезги упились пивом, и теперь вдребезги же разносят мою черепушку тяжелыми боевыми молотами. Просьб о пощаде они не слышат. Глухонемые, наверное.

Это у меня голова так болит. Она еще и не так болит, но сравнения покрепче в нее, такую больную, просто не лезут. «Слезка Гор» больше не бежит по моим жилам, и жестокий верхний мир взимает с меня свою суровую пошлину за переход границы. Есть, оказывается, такие пошлины, что берутся даже с лазутчиков. Что ж, таможенный сбор – дело святое, не спорю. Вот только я предпочел бы расплачиваться в какой-нибудь другой монете. Или нет?

Могло быть и гораздо хуже. Например, меня могли поймать часовые. Поймать... или просто застрелить. Лазутчику подгорная броня не положена. Любая человечья стрела легко прошьет меня насквозь. Так что больная голова – это мелочи. Поболит и пройдет. Воздух у них тут наверху вредный, вот и болит. Ничего, к утру должна перестать. Кстати, теперь уже не «у них тут наверху», а «у нас тут наверху», точнее даже просто «у нас» – люди ведь не считают, что они живут наверху, это глупые гномы зачем-то живут внизу, странные создания, делать им нечего – жить в какой-то дыре. Нам, людям, этого никогда не понять. И в бога они не веруют...

Не защищенная бородой кожа воспалилась на ярком солнце и немилосердно чесалась. Еще немного, и она потреска-

ется, а потом просто облезет. Со стороны я сейчас красавчик хоть куда, небось одним своим видом человечью армию распугаю. Жаль, что мне никого пугать не надо. Скорей уж наоборот. Хотя если постараться и скорчить жалобную гримасу... эта опухшая и облезлая рожа может мне еще очень и очень пригодиться. Не напугать, так разжалобить. Мало того, что карлик, так еще и опухший, больной, несчастный, весь облезший. Может, оно и не худо, что голова болит? Для дела оно полезно. Хотя, ох...

Разведчик сошел с тропы, прошел еще немного по густой сочной траве и выполнил обещание, данное самому себе, – ничком рухнул наземь. Так, как нырял в глубокое подгорное озеро. Трава сомкнулась над его головой, и воцарился покой. Сумерки еще сгустились, и трава окончательно перестала быть собой, превращаясь в седую серую тень, вольготно раскинувшуюся по лугу, а налетевший ветерок огладил ее серебристыми ладонями, превращая в нечто струящееся и так похожее на воду, что даже человеку, окажись он здесь в этот час, немудрено было бы перепутать. Однако разведчик даже и не пытался вынырнуть, чтоб восхититься творящимся чудом. Он лежал пластом, точно мертвый, точно и в самом деле утонул.

Оживило его совсем другое чудо. Этим чудом была наступившая ночь. Утомившись страдать ничком, он перевернулся на спину и внезапно оказался лицом к лицу с ночным звездным небом. Никогда ранее не виданным ночным звезд-

ным небом. Это потрясло до слез. Это было больше, чем он мог себе представить.

Ему казалось, что все самое красивое он оставил позади, что впереди лишь то, к чему он должен привыкнуть, что придется, стиснув зубы, терпеть, с чем должно смириться ради великой цели, и лгать, лгать, лгать... столько, сколько понадобится.

Он никогда бы не подумал, что здесь, наверху, просто над головой, над головой у каждого бродяги и проходимца, совершенно бесхозное и бесплатное висит то, что можно почесть величайшим сокровищем вселенной. Он и представить себе не мог, что прямо над ним, во всей своей неизмеримой простоте и загадочности висит Истина. Глядя на нее, лгать просто невозможно.

Он все-таки разрыдался.

Он был лучшим лазутчиком среди гномов. Его хорошо готовили. Он знал о людях и верхнем мире многое. Его наставнику казалось, что почти все. Вот только о звездном небе ему не позаботились рассказать.

А лучше бы показали. Разве ж о таком расскажешь?

– Это все из-за отсутствия пива, – сказал он сам себе, вытирая непрошенные слезы. – Такую головную боль должно употреблять вместе с пивом. Непременно вместе с пивом. И никак иначе.

Но он знал, что пиво тут ни при чем. Его рука привычно огладила отсутствующую бороду. Он вздохнул. Не за что

ухватиться, не за что!

Ты столько думал о предательстве и лжи, но ведь на самом деле ты не хотел предать всех гномов. Только дураков, ведущих в бездонную пропасть ради личных амбиций. Только слишком старых и наивных, чтобы понять... а теперь... теперь тебе страшно. Глядя на это небо, так легко вовсе забыть о доме. Просто забыть, уйти, раствориться в этих чудесных огнях и... вот это и будет настоящее предательство, Шарц. Никого не предавать – это и есть самое страшное предательство. Непростительное. Проклятые огоньки украли твое сердце. Украли. Вот почему люди сильнее гномов. Им есть что защищать... И ты принесешь это всем остальным гномам. Ты заставишь их смотреть в это небо столько, сколько понадобится, чтоб они поняли. Они имеют право это увидеть. Каждый имеет право на счастье. Ты не предашь свой народ, Шварцштайн Винтерхальтер, предатель.

А звездное небо смотрело на него, такое спокойное и мудрое, такое невероятно ничье... и в то же время... в то же время этим сокровищем владел каждый. Каждый, у кого были глаза.

– Любой, самый нищий, самый ничтожный человечешко богаче самого богатого гнома, – потрясенно прошептал разведчик. – Каждую ночь он может смотреть в небо и видеть звезды. И никакие алмазы с изумрудами не заменят этот живой огонь! Я даже не знал, какие мы... какие мы бедные, там у себя внизу...

Он подумал, что те, кто живут среди такой красоты, не могут быть очень уж злы и жестоки. И даже, если тупые сволочи во главе с мерзавцем Маэлсехнайли натворили что-то совсем беспросветное, все равно есть надежда договориться с теми, кто, ложась спать, укрывается таким невероятным сокровищем. По крайней мере, у него эта надежда есть.

Ради этого он готов лгать. Лгать долго, истово, истошно... лгать до тех пор, пока не придет время сказать правду. Сказать правду и просить за всех гномов Петрии. И снова лгать, и опять говорить правду. Встать на колени и повторить все это еще раз. И еще. И сколько потребуется. У него хорошие доводы. Могучие. Люди услышат. Они не могут не услышать. И пусть тогда звездное небо встанет за его спиной и попросит вместе с ним. Оно само по себе довод, и люди привыкли внимать его речам куда больше, чем болтовне малознакомого гнома, люди просто не могут не прислушаться к собственному небу, ведь там живет их Бог. Если небо попросит вместе с ним, люди услышат. Разведчик смотрел в небо, и оно отвечало ему несказанной теплотой. Вместе у них получится.

А какой все-таки счастливый, верно, этот ихний Бог – жить там, наверху, это же, наверное, так здорово... так, что даже и представить себе невозможно.

А ведь голова не болит больше. Совсем не болит. Это все оно. Небо. Он сразу понял. Это все звезды кажется, так их называют...

«Это все звезды», – подумал он с благодарной нежностью, обернулся в ночь и уснул.

«Хочу пива», – проснувшись с утра пораньше, подумал Шарц и понял, что его кто-то ест.

Он вскочил, стряхивая с себя мелких ползучих тварюшек, отчаянно кусавших его за все, за что только можно.

Муравьи. В Подгорном Царстве они тоже встречаются, лекари их даже разводят, но чтобы так много и такие злые!

А ты не ложись спать рядом с их домиком, болван!

Опять меня штрафуют за нарушение границ, плохой из меня лазутчик. Тоже мне, «последняя надежда». Хорошо, что это всего лишь муравьи, а не стражники короля Джеральда.

«Верхний Мир – это не только восхитительные звезды, это еще и гадкие муравьи». – подумал новоявленный карлик, изо всех сил стряхивая с себя гнусных кусачек.

– Бабушка, а почему эльфы были такие жестокие?

– Жестокие, внучек?

– Нам Наставник рассказывал, как они нас победили. И что потом было. Скажи, бабушка, как же так... ведь гномы им ничего не сделали! За что же они нас так ненавидели?

– А что тебе Наставник сказал?

– Сказал, они от природы такие. Сказал, они не гномы, даже не люди, они были просто животные. Даже хуже, чем животные.

– Наставник тебе ответил, так почему ты у меня спраши-

ваешь?

– Потому что... потому что они не похожи на животных!

– Скажи на милость, а где ты видел эльфов?

– На той картинке, что у Наставника.

– И на кого они, по-твоему, похожи?

– На нас, бабушка. На людей тоже, но ведь люди... они же не животные, они тоже, как мы. Они могут мыслить. Так почему эльфы должны быть животными? Они похожи на людей, на нас, значит, они тоже должны мыслить. Может, не так хорошо, как мы, но должны же! Они делали топоры, луки, стрелы, мечи, наверно, они хорошо их сделали, раз наши самые-пресамые цверги с ними не справились. Животные не могут делать оружие и сражаться в битве. А эльфы могли. Значит, они были разумны. Так почему они были так жестоки?

– Почему ты не задашь свои вопросы Наставнику?

– Потому что мои мысли спорят с тем, что он говорит.

– Значит, он ошибается?

– Что ты, бабушка! Наставник всегда прав! – испуганно возразил юный гном. – Он не может ошибаться, ведь он – Наставник.

– Поэтому ты и спрашиваешь у меня?

– Поэтому я и спрашиваю у тебя, бабушка. Наставник всегда прав, а мне действительно нужен ответ на мой вопрос.

Старая гномка вздохнула и, с кряхтением разогнув спину, встала. Сняла с кухонной полки тяжелую даже на вид потем-

невшую от времени книгу в железном переплете.

– Ты как-то спрашивал у меня, что там, в этой книге, а я тогда сказала, что рано тебе еще знать это, – промолвила старуха, кладя тяжеленную книгу на каменный стол кухни. – Ну а теперь, раз уж ты задаешь такие вопросы и даже заимел по ним собственное мнение...

– Ой, бабушка... – испугался юный гном. – Ты же не хочешь сказать, что я спорю с Наставником!

– Хороший вопрос. Поразмысли об этом как-нибудь на досуге. А потом опять поговорим. И вот что – Наставнику о своих размышлениях ни слова! Только мне. Родителям тоже пока не говори. Сама скажу, когда время придет.

– Но, бабушка, так ведь нехорошо! Это же...

– Что тебя беспокоит?

– Наставник...

– Не забывай, я вхожу в Совет Старух и занимаю там не последнее место. Все же у твоего отца девять братьев, не каждая старуха может похвастаться таким подвигом. Так что мой ранг выше, чем у твоего Наставника, который и невесту себе еще не выслужил. Так что я вполне могу наложить такой запрет.

– Спасибо, бабушка!

– Спасибо? Видать, ты куда умней, чем мне казалось. Что ж, вернемся к нашим эльфам.

Пальцы старой гномки ловко распахнули книгу, перелистали страницы. Вместо закладки между страниц лежал вы-

сохший до прозрачности цветок. Сквозь него вполне можно было прочесть убористые строчки гномьих рун, но странно, он все еще сохранял аромат. Тонкий, но сильный запах тут же заполнил кухню. Бабушка мечтательно прикрыла глаза, а внучек сморщился и чихнул так оглушительно, что бабушке пришлось спасти свое полупрозрачное сокровище. Впрочем, картинка заинтересовала юного гнома гораздо больше цветка.

– А у Наставника эльфы по-другому нарисованы, – заметил он.

– Вот как?

– У них большие острые зубы, уши гораздо длиннее, и на руках здоровущие когти, – поведал внук.

– Гораздо длиннее уши у кролика, – невинно заметила бабушка. – Его мы ели в прошлую пятницу.

Юный гном хихикнул. Бабушка улыбнулась.

– Посмотри внимательно, внучек, – тихо промолвила она. – Так выглядели эльфы на самом деле. Что ты можешь о них сказать?

– Они... ну... они... они очень тонкие...

– Худые, – поправила бабушка. – Они голодали. Всегда. Тогда наверху трудно было прокормиться. Это сейчас люди развели множество всякой живности, подчинили своей воле растения, научив их давать съедобные плоды. А тогда только гномы ели досыта, ибо грибы в пещерах росли всегда. Эльфы покупали у нас эти грибы, а когда им нечем было платить,

они воевали. А теперь ответь – можно ли обвинять в жестокости существа, почти сошедшие с ума от голода? Скорей уж кого-то другого нужно обвинить в алчности. В жадности до того непомерной, что она позволяет захлопнуть каменную дверь перед носом едва стоящего на ногах несчастного эльфа, раз у него нечем заплатить за еду.

– Ох, бабушка...

– Молчи. Посмотри на него еще раз. Пусть тебе станет его жалко. У него никогда не было кролика по пятницам и вволю грибов каждый день. А он жил, мыслил, сражался, он сделал лук, лучше чем наши, и голодный побил наших великих цвергов. Подумай об этом.

– Бабушка... я... я... я просто не смогу поговорить об этом с Наставником... и с родителями тоже. Это... но это же нехорошо, что у меня есть от них тайны!

– Разумеется, у тебя не должно быть тайн от твоих родителей и твоего Наставника. Кроме этой.

– А почему, кроме этой?

– Они слишком молоды, чтобы знать ее, – отрезала бабушка.

– Они – молоды? – удивился юный гном.

– Да, молоды!

– А я – нет? Как так может быть?!

– Ты самостоятельно додумался до правильного вопроса и догадался, кому его следует задать. Они этого не сделали – и хватит о них. Ты задал вопрос. Получил ответ. Теперь

стоит подумать над этим ответом. Иди. Подумай. Завтра поговорим.

Юный гном ушел.

– Я рассказала тебе сказку, мальчик, – тихо шепнула старуха, ставя на место книгу. – Молод ты еще для правды. А все ж моя сказка не так отвратительна, как Якшева. Со временем ты узнаешь и правду. Боюсь, это время наступит слишком быстро. Страшно быстро. А пока подумай о том, что нет на свете ничего непогрешимого. Наставники могут ошибаться, а собственный народ вести себя алчно, мерзко и бессердечно. Это пригодится тебе, когда ты взмахнешь секирой над чьей-то чужой головой. Быть может, это поможет тебе вырасти гномом, а не цвергом.

Тихонько вздохнув, она вынула из-за пазухи маленькую зеленую бусину на тонкой золотой цепочке.

– А пальцы у эльфов длинные, чуткие и нежные, – шепнула она бусине. – И никаких когтей на них нет. Знаешь, может, я и не доживу... но если вы совсем-совсем сюда не вернетесь, то клянусь Владыками Подземного Пламени – после смерти я превращусь во что-нибудь очень отвратительное, отыщу вас, где бы вы ни скрывались, и надеру ваши длинные кроличьи уши, понятно?!

Гномы совершенно не умеют играть на лютнях, – пробурчала она мгновением позже, запихивая бусину обратно за пазуху. – Мне б еще разок эльфью лютню послушать, а там и помирать можно...

Кто-то выжимал тучи, как хорошая домохозяйка стираное белье. Конские копыта месили дорожную грязь, разбрызгивали лужи. Пасмурнее неба было только настроение всадников. Полдня в седле, одежда – насквозь, а тут еще и гроза ко всему. Мало приятного. Впрочем, на лице одного из всадников то и дело высверкивала улыбка, словно драгоценный дождевик из-под покрытого дорожной грязью плаща.

В небе вновь загрохотало. Дождь на миг приутих, словно бы задержав дыхание, а потом хлынул с удвоенной силой.

Руперт Эджертон, герцог Олдвик, улыбнулся и поторопил коня. Ничто не могло испортить его хорошего настроения.

– Милорд! – плаксиво воззвал кто-то из слуг. – Здесь трактир, милорд!

– Постоялый двор, – жалобно поддержал другой. Герцог вновь улыбнулся. В таком настроении, как у него, – пара пустяков скакать всю ночь под проливным дождем и встретить рассвет на стенах собственного замка, чтобы потом тихо-тихо пробраться в спальню к своей жене и разбудить ее поцелуем. Но это у него такое настроение. Несчастные, промокшие слуги в этом не виноваты. Они тоже люди. Им хочется поскорей оказаться под крышей. В тепле. У очага. Выпить кружку подогретого вина, чтоб потом в носу не хлопало. Высушить одежду. Видит бог, они имеют на это право.

– Хорошо, – коротко бросил герцог, и лица слуг засияли сквозь завесу дождя и грозовой сумрак маленькими солнышками.

Завидев столь высокого гостя, трактирщик бросил все дела и немедля поспешил навстречу.

– Тут у вас небось тараканы на голову падают, – притворно нахмурился герцог.

– Обижаете, ваша светлость, – моментом откликнулся трактирщик, отлично уловивший его настроение. – Блох, клопов, тараканов не держим. Потому как за постой они не платют. А бесплатных постояльцев сюда не пускают. Разве что постоялец отработает. Так с таракана какая работа?

– Уговорил, – с самым капризным видом буркнул герцог. – Авось не сожрут меня до утра твои блохи с тараканами.

– Не сожрут! – покачал головой трактирщик. – Мы вашу светлость охранять будем. У меня знаете какие телохранители? Даже у вашей светлости таких нет!

Герцог фыркнул, представив, как два здоровенных бугая с мечами наголо охраняют его от тараканов, но трактирщик кивнул на двух здоровенных пушистых кошек, с наглой грацией разлегшихся у очага.

– Позвольте представить, ваша светлость: красавица Пэгги и красавица Мэгги! Видели бы вы, как они мышей и тараканов ловят!

– Могу себе представить, – ухмыльнулся герцог. – А еще я могу представить, как они своими роскошными шубами ловят блох.

– И на блох есть управа, – отозвался трактирщик и, ко-

ротко свистнув, подозвал небольшую юркую собачку. – Позвольте представить вам почтенного мастера Мортимера – блохи и крысы, двойное жалованье плюс наградные. Между прочим, он честь по чести состоит в гильдии крысоловов, так что звание мастера самое настоящее.

Действительно, на щегольском ошейнике собачонки болталась гильдейская бляха. Герцог взглянул на псинку с уважением. Ведь даже для того, чтоб поступить в упомянутую гильдию учеником, необходимо прикончить не меньше сотни крыс, каждая из которых едва ли не больше этой собачонки. Не иначе, жители близлежащего городка то и дело приглашают почтенного мастера на крысиную охоту.

– Да уж, – покачал головой герцог. – С такими телохранителями и впрямь ничего не страшно. Я даже могу не надевать на ночь кольчугу.

Через полчаса переодевшийся во все сухое герцог сидел за столом, потягивая горячее вино, лениво прислушиваясь к болтовне слуг и прочему трактирному гаму.

Заодно он как следует разглядел хозяина трактира.

«Такую суровую обветренную рожу в трактире не зарабатываешь! Поднос в его руках смотрится по меньшей мере странно, а вот... боевой лук в полтора человеческих роста... и прищур у него такой...»

– Лучник! – на пробу рявкнул герцог.

«Угадал или нет?»

Трактирщик обернулся мгновенно и посмотрел на герцога

так, будто и впрямь лук натягивал. Потом вдруг усмехнулся, расслабился.

– Обижаете, ваша светлость. Я не просто лучник, я – десятник. Бывший миддлбэнкский десятник.

– А я, как всякий рыцарь, оруженосцем начинал, – вздохнул герцог. – И был тогда дурак дураком. Правда, везучим дураком, но это еще хуже. Дураку один раз повезет, он начинает думать, что это и есть закон природы. Одним словом, если б не такие, как ты...

– А что, очень даже правильно, такие, как я, непременно должны быть, – степенно кивнул трактирщик. – Вот помню, как-то раз...

Бывший лучник успел рассказать герцогу с десяток историй, как две капли воды похожих на те, что мог бы рассказать сам герцог, прежде чем долг хозяина трактира и очередной клиент призвали его.

Один из слуг герцога попытался вмешаться, грубо напустившись на прибывшего клиента.

– Не видишь, что ли, мой хозяин с трактирщиком беседовать изволит?! Подождешь свою кружку пива!

– Твой хозяин такой же клиент моего заведения, как и все прочие, – сурово осек бывший лучник расшумевшегося слугу. – Герцогу, конечно, пиво подадут раньше, чем поденщику, но исключительно потому что он на королевской службе. А то, что нам с твоим хозяином есть что вместе вспомнить, тебя и вовсе не касается. Потому как сдается мне, что тебя-то

там не было.

Трактирщик сочувственно поглядел на герцога. Тот вздохнул и развел руками.

«Ох уж эти гражданские!» – было написано на лице трактирщика.

«Все как один идиоты!» – безмолвно соглашался герцог.

– В самом деле нехорошо, Томас, – усмехнулся герцог, оборачиваясь к своему слуге. – Ты так шумишь... Люди могут подумать, что герцог – это ты.

Испуганно охнув, слуга закрыл рот обеими руками и сполз под стол.

– Странно, – меланхолично промолвил герцог. – Что это он напился с одной кружки? Подымите-ка его... И не наливать ему больше!

Внезапно его внимание привлек убиравший грязную посуду коротышка. Смешной маленький человечек, казалось, был полностью поглощен своим делом. Он громоздил из тарелок, мисок и кружек башни такой высоты, что герцогу аж страшно делалось, а потом играючи относил их куда-то в глубь трактира. То и дело миски, чашки, кружки и тарелки взлетали в его проворных руках, словно бы танец какой плясали. Да притом развеселый. Было на что посмотреть! Ловкие движения коротышки выдавали в нем скорей ярмарочного жонглера, чем трактирного слугу, – пусть даже и невероятно умелого слугу.

«Изрядный бы воин получился, когда б не его рост, – по-

думал герцог. – Впрочем, такому и рост не помеха. Я вот, например, не знаю, удержал бы я такую грудку тарелок или нет. И уж сплясать бы при этом точно не решился. Жаль только, что его ни в один строй не поставит!».

Герцог заинтересовался смешным маленьким человеком.

– Занятный у тебя, однако, работник, – заметил герцог, когда трактирщик ненадолго очутился рядом. – От пола не видать, под столом пройдет, не нагибаясь, а какой бойкий!

– А он не работник, ваша светлость, – отозвался трактирщик. – Постоялец он. Деньжат то ли нет, то ли все вышли, вот он и старается. Мне лишние руки не помеха, а он не только стол и кров отработает, он еще и заработать может. Если продолжит в том же духе – точно с пустыми карманами не уйдет. Обязательно заработает.

– Или посуду перебьет, – заметил герцог.

– Я спервоначалу тоже так подумал, – кивнул трактирщик. – У меня аж сердце захолонуло, когда он тут балаганить начал. Ну, думаю, плакали мои тарелки с мисками. Одни брызги сейчас от них останутся. Взял, понимаешь, человека, пожалел на свою голову карлика безденежного, а он мне тут утворяет! Я уж начал приглядывать, чем половчей огреть этого шута за его проделки – ан нет! Ничегошеньки он не уронил. Ни единой мисочки. Ни разу. А уж три дня тут. И все три дня эдак... У меня от него клиентов прибавилось. И то ведь каждому охота на бесплатный балаган по-

радоваться. А чтоб его учинить, нужно организовать много грязной посуды. А значит, надо как следует съесть и выпить. Прямая мне выгода. Так что я его не обижу. Не за один хлеб старается. Честь по чести расплачусь. Я б его и вовсе нанял за хорошее жалованье, да он не хочет.

– Это можно понять, – кивнул герцог. – Он, верно, жонглер какой. Поиздержался в дороге, вот и подрабатывает как может. Его небось своя труппа ждет.

– Я тоже так думал, ваша светлость, – промолвил трактирщик. – А он говорит, что жонглерство это у него так, для развлечения и приработка, только чтоб с голоду не умереть. А на самом деле он в Марлецию едет. Хочет в тамошний университет поступить. Студентом будет.

Трактирщик произнес это с таким уважением, как будто сообщил, что ловко жонглирующий тарелками коротышка как минимум королевский министр.

– Студентом? – герцогу стало еще интереснее. Этакого карлика он мог себе представить разве что в качестве шута либо просящего подавание нищего, а ведь он не только жонглером сделался, ему этого еще и мало, ему ученым стать охота. А ведь над ним наверняка насмехались, издевались, не верили в него. Над такими, как он, всегда смеются. Это ж какая сила духа надобна, чтоб пройти все это и не озлобиться, не наплевать на все, не отчаяться, а вместо всего этого весело отплясывать с тарелками в трактире и мечтать о Марлецийском университете.

– Студентом, – кивнул трактирщик так гордо, словно в этом была и его заслуга, и направился к следующему клиенту.

Настроение герцога, и без того великолепное, стало еще лучше. Нет, как же хорошо! А ведь начиналось все хуже некуда.

Он припомнил отвратительное начало сегодняшнего дня. Утро. Королевский Совет. Он приехал ругаться и жаловаться. Обратиться к его величеству Джеральду де Райнору, как рыцарь к рыцарю. Но у него нет надежды на успех. У него есть только угрюмая обида и желание сделать хоть что-то. Впрочем, что тут можно сделать? Шутка ли – жаловаться на самих Бофортов! Да разве станет король обижать свою новую родню? Как же! Недаром ведь он этого Роберта, сопляка малолетнего, в Королевский Совет ввел. Что может такой юнец понимать в государственных делах? Ничего. Зато – родной брат королевы. А теща короля чем хуже? И что с того, что она не права? Зато она – леди Элис, мать королевы, о чем она сама трещит без умолку где может и где не может. А ты кто? Обыкновенный старый вояка, отвечающий за своих людей перед богом и Джеральдом, и больше никто. Эх, был бы Джеральд Олбарийский прежним Золотым Герцогом, воином среди воинов, он бы нипочем такого не допустил. Но он король, а теперь еще и женатый король, это совсем другое. Король обязан жениться, кто спорит, но почему он должен позволять родне жены творить, что им заблагорассудится?

Почему? А еще этот Роберт...

Именно «этот Роберт» и оказался тем самым человеком, который пришел на помощь герцогу.

– Почему вы так долго тянули со своей жалобой, герцог Олдвик? – спросил он, устремив на герцога умный и цепкий взгляд. – С этим безобразием следовало покончить еще четыре месяца назад.

И герцог решил, что он ослышался.

– Но леди Эйнсли сказала... – растерянно пробормотал он.

– Леди Эйнсли слишком много на себя берет.

И молодой Бофорт, мимолетно чему-то улыбнувшись, изложил дело королю, да так, что решить его можно было только в пользу герцога Олдвика. Такие доводы самому Руперту Эджертону, герцогу Олдвику, и в голову бы не пришли, а этот мальчишка... этот сопляк, который ничего не понимает в государственных делах... ох... надо же так обмануться! Поверить, что Золотой Герцог, воин среди воинов, первый среди равных, перестал быть таковым, что его сломали, разбили, пленили, подмяли под себя какие-то «леди Элис»! Нет уж, Руперт Эджертон, дурак ты, хоть и герцог! Джеральд остается Джеральдом на счастье всем нам, на счастье всей Олбарии, и если он вводит мальчишку и сопляка в Королевский Совет, то вовсе не по той причине, что спит с его сестрой, а потому что тот достоин сидеть в этом самом Совете куда больше, чем ты сам, например!

А значит, золотые дни Олбарии не завершатся Золотым Герцогом, они еще только начинаются, эти дни, раз рядом с королем восседают такие талантливые мальчишки. Ради этого ты и сражался с каринтийцами, герцог Олдвик, а твой король загонял обратно под землю непобедимых гномов. Вот почему тебе нипочем и гроза, и дождь, и ветер – ты убедился, что Джеральд остался Джеральдом, а примерещившийся тебе мерзкий призрак воскресающих Дангельтов не более чем призрак! Джеральд никогда не превратится в Дангельта. Никогда.

Герцог вновь посмотрел на коротышку, жонглирующего тарелками. Нет, какой все-таки удачный день! Сначала Роберт де Бофорт, теперь этот безвестный жонглер, мечтающий стать чем-то большим. Да ведь ради таких, как они, Джеральд и делает то, что делает. Потому что они – будущее Олбарии. Без них вы с Джеральдом – просто ходячие мертвецы, которых похоронить забыли.

Коротышка тем временем закончил собирать миски с тарелками. Пустой посуды покамест больше не было, и он, получив у трактирщика свою полную миску да кружку вина, остановился на миг посреди зала, выбирая место, где бы присесть поужинать.

– Присаживайся, – дружелюбно предложил ему герцог.

Коротышка приметно дрогнул. У слуг герцога поотвисали челюсти. Нет, вот они бы нипочем какого-то трактирного слугу за свой стол не пустили. И вольно же их светлости этак

дурачиться!

– Вы это... мне? Ваша... светлость? – приметно запинаясь, выдавал из себя коротышка.

– Тебе-тебе, – кивнул герцог. – Садись да ставь скорей свою миску, а то ведь она горячая, наверняка тебе пальцы жжет.

– Есть немного, – ухмыльнулся коротышка, ставя свою миску на стол и присаживаясь рядом с герцогом.

– У, морда немытая, – завистливо прошипел один из слуг герцога. – Ты бы хоть поклонился, деревенщина! Такая честь...

«А зависти-то сколько! – мимолетно подумал герцог. – Не тебя за свой стол герцог посадил, не тебя – урода какого-то, бродягу низкородного почтил! А ведь, посади я тебя рядом с собой, ты бы лепетал и заикался, так что тошно бы сделалось, да еще и вывернул бы на себя миску-другую от почтительности и благоговения. Да ты и не посмел, и не хотел бы за один стол со мной попасть, но вот я посадил кого-то другого – и ты изнемогаешь от зависти и ненависти. Прогнать тебя, что ли? Ведь ты урод похлеще этого коротышки. Он всего лишь недомерок. У него тело маленькое. Кто знает, почему оно, усохло, почему не развилось, как должно. Во всяком случае, он выжал из него все, что можно. А у тебя не тело, у тебя душа усохшая, маленькая, всю ее зависть изъела. И ведь я знаю, почему так случилось. Имя твоей болезни – Дангельт. Он и многие подобные ему сотворили таких, как ты. Эта за-

раза так сразу не исчезнет, не рассеется. Поэтому я не прогоню тебя, хоть ты и мерзок. Ты так же, как и этот карлик, не виновен в своем уродстве».

– Я слишком мал ростом, чтобы кланяться, – мягко пояснил коротышка, глядя герцогу прямо в глаза. – С моим ростом голову нужно держать высоко, не то ведь и впрямь не заметят.

Вот это сказал!

Слуги за соседним столиком замерли от ужаса, а герцог расхохотался.

– С таким-то норовом тебя всякий приметит, – отсмеявшись, заметил он.

– Это утешает, – спокойно кивнул коротышка.

– Вот только выжить с таким норовом трудновато, – добавил герцог.

«И почему у меня не выходит разгневаться на этого нахального недомерка?»

– А мне выживать не надо, Ваша Светлость, – ответил коротышка. – Это вам надо, вы за многих людей отвечаете, а я – сам по себе, мне достаточно просто жить.

«Да ты хоть понимаешь, что ты сейчас сказал, маленький мерзавец? Вижу, что понимаешь. Как же ты посмел-то, а? А ведь посмел. И не боишься. Ни капельки не боишься. И почему я стерплю это от тебя? А ведь стерплю. И еще послушаю. Не каждый день такое услышишь».

Герцог поглядел на своего собеседника с новым оттенком

уважения.

– Далеко не каждый способен понять такие вещи, – промолвил он. – Так ты, значит, умен. Умен и дерзок, иначе не посмел бы намекать на то, на что ты намекаешь. Ты, значит, свободен и одинок, тебе не нужно ни за кого отвечать, и поступаться собственной честью тоже не нужно. А я, герцог, отвечаю за многих, и значит, неизбежно вынужден это делать. Моя честь запятнана, так? Мне приходилось гнуть шею перед обстоятельствами, молчать, когда требовалось сказать правду, улыбаться, когда нужно было ответить ударом на удар. Ты даже не сомневаешься в своем обвинительном приговоре. Не сомневаешься, хоть и не знаешь меня...

– Вы живы... – обронил коротышка.

– Верно, – кивнул герцог. – Я жив. Обвинению этого достаточно. Что ж, бесстрашный карлик, ты прав. Я признаю твой приговор. Прошу лишь учесть одно маленькое смягчающее обстоятельство: я выживал для того, чтоб раньше или позже появились те, кто будет просто жить.

– Я бы никогда не сел за один стол с мерзавцем, – заявил дерзкий коротышка.

Слуги давно уже молчали, как воды в рот набравши, теперь они делали вид, что их не существует в природе.

– Ну спасибо на добром слове, – ухмыльнулся герцог. – Быть может, ты пьян?

– Я недостаточно богат для этого, – сказал коротышка.

– А чтоб оскорблять герцога, выходит, достаточно? – по-

тешался герцог.

– Так ведь честь – бросовый товар, ее кто угодно поднять может, – не остался в долгу коротышка. – Каждый достаточно богат, чтоб купить ее, вот только не каждому она по плечу. Да и налоги на нее ужас какие, купить не шутка, да вот потом жутко. Не каждому по нраву.

– Так вот оно в чем дело, – понимающе покивал герцог. – Налоги. А я-то, старый дурак, и не понял...

Ему было... странно. Наглый карлик нес жуткие дерзости, его бы за ноги повесить за такие речи, а он, герцог, сидит и вот так вот запросто болтает с этим хамом, выслушивает его оскорбления, да еще и удовольствие от этого получает.

– Тебе с такими речами шутком работать нужно. Самое для тебя ремесло, – сказал герцог.

– Ага. И рост у меня подходящий, – ухмыльнулся коротышка.

– Ты можешь стать и еще короче, – сказал герцог. – Уж тогда-то тебя точно от земли не видать будет.

– Вряд ли тогда это будет меня интересовать, – отмахнулся коротышка.

– Шутов, по крайности, не казнят, – заметил герцог. – А то с таким языком твоей голове недолго красоваться на твоих плечах.

– Пока вроде при мне, – коротышка потешным жестом ухватился за голову, словно проверяя, на месте ли она.

– Не иначе что чудом господним, – сказал герцог.

– Неустанно воздаю Ему хвалу, – подхватил коротышка.

– Ты б Его лучше не гневил понапрасну.

– Не могу не гневить. Не выходит. Таким уродился.

– Слушай, а может, ты ко мне шутком пойдешь?

– С чего бы это?

– Ну... я дам слово не рубить тебе голову... – предложил герцог. – Даже если ты будешь на мою собственную ежедневно выливать ведро помоев.

– Да на кой я вам сдался? – досадливо спросил коротышка.

– Хочу поучиться жить, – ответил герцог. – Все время выживать, говорят, вредно для здоровья.

Карлик вздохнул. В его глазах колыхнулась глухая затаенная боль. И тоска. Так много тоски. Весь мир можно отравить этой тоской.

«Спокойно, парень. Не ты один носишь в себе такое. Однако много же в тебе этого, бедняга!»

Еще миг, и коротышка овладел собой. На лицо вернулась прежняя нагловатая ухмылка. И глаза стали прежними: умными, цепкими и... закрытыми. Захлопнулась в них какая-то дверка, за которой колыхался этот бездонный колодец боли. Дерзкий веселый наглец вновь занял свое место за столом напротив герцога.

«А ведь это и в самом деле его место, – подумалось герцогу. – Его по праву, хоть у него и права-то такого нет да и откуда бы ему взяться?»

А вот не чувствует его светлость герцог Олдвик ничего неправильного в том, что напротив него сидит этот парень. Не чувствует, и все тут.

– Я был бы рад, – виновато промолвил коротышка и замолчал.

Герцог ощутил новый прилив удивления.

«Что я такого сказал? Смотрит он прежним наглецом, но говорит так, будто в чем-то провинился передо мной. Да уж, этот парень сплошная загадка!»

– Я был бы рад принять ваше предложение, ваша светлость, – сказал коротышка. – Я почел бы... за честь. Но... у меня есть... долг, наверное. Я должен ехать в Марлецию. Поступить в университет. Пока я жив, я не могу к этому не стремиться.

– А почему ты решил стать студентом? – спросил герцог.

– Потому что моя мать умерла, рожая меня... – сказал коротышка и замолчал. Где-то за закрытой дверью грохотал и ревел неизбывный океан горя, хрипел нескончаемый ураган страдания, но у герцога не было ключа от этой двери. Может, и не будет никогда. Такие, как этот парень, ключей не выдают никому. И что тут скажешь?

Коротышка молчал, уставясь в свою миску. Молчал и герцог. А что тут скажешь? И рад бы утешить несчастного, да тот не примет ничьих утешений. Такие все делают для себя сами. Абсолютно все. Ничьей помощи они не примут, даже если нуждаются в ней безмерно. Даже если умрут без нее. Им

и вправду проще умереть. Помощь таким оказывают, предварительно оглушив их здоровенной дубиной, связав и заткнув рот. И никак иначе.

– Женщины не должны умирать родами, – сказал коротышка.

– Не должны, – повторил герцог, думая о своей жене. Он и сам не мог бы сказать, о которой, – о той, что умерла родами, не дождавшись мужа с войны, или о совсем еще юной девочке, на которой герцог женился так недавно. В этот миг они слились для него воедино, и это было страшно.

– Вот я и решил выучиться на врача, чтобы найти способ предотвратить это, – сказал коротышка.

– Но разве может быть такой способ? – спросил герцог. – Врач может облегчить страдания, помочь роженице, но... все равно ведь остальное в руках божьих, разве нет?

– Способ был, – упрямо мотнул головой коротышка. – Я знаю, что был. Просто его забыли. А я вспомню.

– Вспомнишь?

– Найду.

– Глупо было предлагать тебе колпак с бубенцами, – вздохнул герцог. – Прости.

– Почему же? Вовсе не глупо, – улыбнулся коротышка. – Просто несвоевременно. Кто знает, может, я еще и постучу в ворота вашего замка. Должность шута с обязанностями врача вполне совместима. Такой шустрый парень шутя справится с обеими, вы не находите, ваша светлость?

– Нахожу, – кивнул герцог. – Шутя – точно справится. Никаких сомнений. Так что я буду считать, что столь заботящийся о своей чести человек кое-что мне пообещал.

Коротышка одним глотком прикончил свою кружку вина и встал.

– Что ж, мне пора к моим мискам, – сказал он. – А то наш добрый хозяин, того и гляди, отправится собирать их сам и заплатит мне на один медяк меньше. Для бедного студента существенно, а ведь я даже еще и не студент.

– погоди, – герцог решительно ухватил будущего доктора за рукав. – Стой!

Он быстро снял с пояса кошель с деньгами и протянул его коротышке.

– Мы сидели и беседовали как равные, – тихо проговорил тот, отводя руку герцога, отталкивая от себя кошель. – Теперь вы хотите стать больше? Опрокинуть меня этими деньгами? Зачем? Вам так нужна победа в этом маленьком глупом споре? Победа над ничтожным карликом, на которого и удар меча-то потратить жалко?

– Дурак!!! – рывкнул на него герцог. – Это не для тебя! Как ты только посмел подумать такое? Это тебе на обучение, мерзавец! Женщины не должны умирать родами! Так вот – это, – он гневно взмахнул кошелем, – это для них! Для них, понял?!

И герцог основательно треснул коротышку кошелем по лбу. Не так, чтоб насмерть, а так, чтоб понял, кретин без-

мозглый.

Коротышка дрогнул, но не издал ни звука. Только моргнул.

– Вы сравнивали счет, ваша светлость, – сказал он, протягивая руку за кошельком.

– Пустячок, а приятно, – ухмыльнулся герцог.

Коротышка подкинул в руке кошель с деньгами и покачал головой.

– Такой весомый гонорар за свои дерзости я получаю впервые, – заметил он. – То есть бывало, конечно, и весомее, но совсем в другой монете.

– Палки и плети? – предположил герцог.

– Ага, – усмехнулся коротышка, – а еще кулаки, кастеты, камни и прочие милые вещи. Вот только на эти гонорары потом нигде ничего не купишь. Даже уличные разносчики отказываются принимать синяки и шишки в качестве платы за пирожки. А уж головная боль и даром никому не нужна.

Подумав, герцог снял с пальца один из своих перстней.

– А это – приглашение в мой замок, – сказал он. – Когда курс закончишь. А пока спрячь его, чтоб не решили, что он краденый.

– Благодарю, – кивнул коротышка. – Не прощаюсь. До вашего отъезда, думаю, еще увидимся.

Миски, едва коснувшись рук, вновь взлетают вверх, чашки, плошки и кружки, чей-то взвизг, восторженная ругань, людям кажется, что я творю что-то невероятное, какое-то чу-

до выхватывает у меня из рук все эти плошки-миски, чтоб, повертев в пестром хороводе, плавно вернуть обратно. Они не знают, не ведают, что и миски, и плошки, и воздух вокруг них – всего лишь продолжение моих рук, что мне не трудней править этим пестроцветьем, чем любому из них руками размахивать, а ведь размахивать руками могут даже самые несмышленные малыши, ума на это и вовсе не требуется.

Все новые и новые миски занимают место в причудливом танце, я ловко подхватываю несколько брошенных медяков и ничего при этом не роняю, новый вздох восторга, медяки искреннего восхищения не дешевле герцогского кошель, нельзя отказываться, медяк для этих людей дорогого стоит, подороже, чем кошель для герцога.

Несчастный наивный герцог, взять эдак и сунуть поворотливому на язык проходимцу такие вот деньжищи. Да знаешь ли ты, глупый сентиментальный болван, что только что оплатил смерть собственного, наверняка горячо любимого монарха? Знаешь ли ты, благотворитель несчастный, что ты убийца и заговорщик? Твоих денег вполне хватит, чтоб в той же Марлеции нанять с десяток вполне профессиональных и при этом абсолютно беспринципных негодяев, которые не то что от гнома, от дракона заказ примут, был бы он как следует оплачен. А твой перстень послужит достаточным доказательством твоей вины – и кто поверит бредням о странном коротышке-жонглере, которому ты его вручил? Ну, может, и поверят, когда все как следует проверят, вот только к тому

моменту будет уже поздно.

Твое счастье, Руперт Эджертон, герцог Олдвик, что мне не нужна смерть короля Олбарии. Мне нужен мир, а с мертвыми его не заключают. Мне нужен мир, герцог Олдвик. Если б я мог, я бил бы тебя этим твоим кошельком с деньгами по твоей умной глупой благородной голове и кричал об этом на весь трактир так, что стекла повывлетали бы. Потому что мне очень нужен мир, герцог Олдвик. Так нужен, что плакать хочется. А я не могу плакать, не могу кричать, даже ударить тебя не могу. Ни разу. Представляешь, как это горько? Вместо этого я потешаю местную чернь летающими мисками, плошками, блюдцами и тарелками, ловлю уже не нужные мне медяки и улыбаюсь. Представляешь, как мне весело? Так весело, что хоть умри. Вот только умирать мне ни в коем случае нельзя. Хорошо болтать о том, какой я свободный, и прекать другого склоненной головой и запятнанной честью. Хорошо высоко держать собственную и размахивать белоснежным плащом с горделивыми надписями «честь» на всех человеческих наречиях, сколь их ни на есть. Но ведь на самом-то деле я на коленях, герцог. Неужели не видишь? Там, под белоснежным плащом, я – голый. Не видишь? Не замечаешь? А это потому что меня хорошо готовили. Даже умирать я буду с солнечной улыбкой, заверяя, что никогда еще так хорошо себя не чувствовал. Вот только на самом деле я такой же как и ты, герцог. Я тоже молчу, склоняюсь и улыбаюсь, когда нужно ударом ответить на удар. Потому что и я – не

один. Мои гномы стоят за мной такой же стеной, как за тобой твои люди. Я, как и ты, отвечаю за всех. Вот поэтому я и беседую с тобой на равных. Поэтому и не кланяюсь. Мы и без того оба на коленях. Куда нам кланяться? Еще ниже? Эдак и под землю провалиться недолго. К нам. А у нас там теперь плохо. Тебе не понравится, герцог. А мне нельзя возвращаться, не выполнив здания. Они там ведь не знают, что я – предатель. Они даже не знают, что я – «безбородый безумец». Они верят, что я – «последняя надежда», герцог. Понимаешь, что это значит? Поэтому мы не будем кланяться. Тем, кто и без того на коленях, это не обязательно. Мы ведь равны с тобой. Наверное, я даже равнее. Я ведь отвечаю за всех гномов Петрии. За всех. А это больше, чем одно герцогство. Наверное, даже можно сказать, что я теперь король. Я – а не Якш, глупый старик, запутавшийся в собственных интригах, вынужденный поддерживать врагов, глотать потаенные оскорбления от бывших друзей и ждать, когда мир рухнет ему на голову. Так что я король, герцог Олдвик, и это ты должен кланяться мне. Вот только я не скажу тебе об этом, ты уж прости. Такой уж я лживый мерзавец.

Живи спокойно, благородный герцог Олдвик, щедрой души человек. Тебе не придется быть предателем и убийцей. Кости легли по-другому. И кто знает, что еще будет? Быть может, нам и представится случай выпить по кружке пива, потом, когда все закончится, и я смогу улыбаясь взглянуть тебе в глаза, оглаживая свою густую черную бороду. Я наде-

юсь на эту встречу, герцог Олдвик. А еще я надеюсь, что ты тоже улыбнешься мне, потому что между нами будет мир. Мир – и звездное небо вместо той лжи, которой я накормил тебя сегодня. А звездное небо... я еще не рассказывал тебе о нем? О, это нечто! Я надеюсь, что тебе понравится, герцог Олдвик. Тебе не может не понравиться. Ведь оно так похоже на тебя. Чем? А вот этого я никогда не смогу тебе объяснить. Я даже на своем языке никогда не был поэтом, а уж ваши наречия...

Просто я виноват перед тобой, герцог Олдвик. Ты встретил меня открытым сердцем и ясным взглядом, а я солгал тебе. Обманом и дерзостью втерся в доверие. Мне нечем отплатить тебе за эту обиду. Вот разве что звезды показать. Ах, ты их тысячу раз уже видел? И даже больше? Но... ты же не смотрел на них моими глазами? Глазами восхищенного странника, заплутавшего в краю чудес...

Ох, кажется, я и в самом деле становлюсь поэтом! Нужно следить за собой. Лазутчик не должен так распускаться. Он всегда должен помнить, кто он есть такой. Обыкновенная хорошо обученная мразь. И только. Вот-вот, и мисок не ронять! Вдохновение слишком дорого обходится.

Шарц подхватил миску у самого пола. Посетители дружно охнули от восторга, приняв ошибку жонглера за новый забавный трюк, но зоркий хозяин трактира строго погрозил ему пальцем.

«Этого не проведешь!» – подумал Шарц, подхватывая по-

следние пустые чашки, сооружая из всего этого пресловутые башни, и танцующим шагом удаляясь на кухню.

– Пап, ну зачем мне руны?

– Болван! Хочешь всю жизнь, как я, тачку таскать?

– Я воином буду!

– Воинов мы с тобой совсем недавно видели. Всего несколько лет назад! И как ты думаешь, чем занимаются те из них, которые выжили?

– Это ненастоящие воины! Это... отбросы гномьего рода, вот!

Стремительная зуботычина.

– Пап, за что?!

– Где ты услышал эту гадость?!

– Мне Керц сказал!

– Сколько раз я тебе говорил: не лезь в компанию тех, кто старше тебя! Особенно таких, как Керц! Держись подальше от этих негодяев!

– А что? Они – молодцы! Никому спуска не дают! Они говорят, что сейчас время молодых, вот. Именно мы, молодые, спасем всех вас, когда Крыша Мира обрушится нам всем на головы!

– Та-а-ак... – задумчиво протянул отец. – Похоже, мой сын серьезно болен! Крыша Мира у него засвербела. Что ж, будем лечить. А ну-ка принеси мой ремень!

– Думаешь, твой ремень спасет нас, когда все рухнет нам на головы?

– Думаю, я буду удовлетворен, если он излечит тебя от глупости и нежелательных связей.

– Значит, ты считаешь, что ничего не случится?!

– Конечно, ничего не случится.

– Но об этом все говорят! Все! И эти обвалы...

– Обвалы были всегда. Из камня мы приходим, в камень и возвращаемся. Мы столько всего берем у земли, было бы странно, если бы земля время от времени не брала нас. Повторяй про себя эти слова нашего жреца и не слушай глупости старших мальчишек. Ничего никуда не рушится. А теперь принеси-ка ремень. Ты тут наболтал на две хороших порки. А потом за руны и никаких воинов. Чтоб я в нашем доме этого слова больше не слышал!

...Была осень, и веселый осенний ветер мел шуршащее золото листьев по тропинкам рощи близ герцогского замка. Иногда ветру надоедало просто мести, и он начинал вертеться, как собачий хвост, выплетая из листьев золотистые кружева. Сквозь осеннее золото к герцогскому замку шел человек в черном плаще, черной шляпе и черных сапогах. Подъемный мост был опущен, и, перейдя по нему глубокий ров, в воде которого плавали наперегонки все те же листья, человек подошел к воротам замка и решительно постучал в них перстнем самого герцога.

– Почему бы вам не постучать в калитку, незнакомый господин? – насмешливо донеслось до него откуда-то из-за стены. – Вы ведь не карета... и не конная свита!

– Потому что я пообещал его светлости постучать именно в ворота, – сварливо отозвался незнакомец.

Шут

В Яшмовом Кабинете Подгорного Владыки было пусто. Стопкой возлежали на краю огромного розовой яшмы каменного стола яшмовые же таблички, густо изрезанные гномскими рунами. Но Якш не почтил своим вниманием Яшмовый Кабинет, и его яшмовые проблемы остались нерешенными. Пусто было и в Золотом Кабинете. И в Алмазном. Даже в Хрустальном и Изумрудном Кабинетах никого не было. Какой-нибудь несведущий гном, не входящий во дворец, решил бы, что Владыка и вовсе не занят сегодня неотложными государственными делами. И он бы ошибся. Просто у Якша был еще один кабинет. Тайный. Известный немногим. Шестой Кабинет Владыки был из Дерева. Да-да, именно из дерева. И это нисколько не унижало гордость самого главного гнома. Напротив. Камня, хоть бы и драгоценного, под землей сколько угодно, да и золота тоже. А вот дерево под землей не растет. А если еще и редких пород дерево... Кроме того, дерево теплее. Под старость Якш начал ощущать ломоту в костях, так что это имело значение. Именно в этом кабинете и находился Владыка со своим Главным Советником.

– Старейшина Цукеркопф недоволен, – отрываясь от рун очередного отчета, поведал Главный Советник Подгорного Владыки самому Якшу.

– И чем же он недоволен на сей раз? – скривился Якш.

– Говорит, много хорошего камня людям продаем, – ответил советник. – И дешево. Говорит, нам это ничего не дает, а людям...

– Дешево, значит... – с отвращением протянул Якш. – Дешево ему... А то, что этот камень на нас давит так, что хребет трещит, это до него не доходит?! – яростно рявкнул Владыка. – То, что я и его дурную голову спасаю, не только свою! Дешево! Да я счастлив, что нам за этот проклятый камень вообще хоть что-то платят! Еще немного, и я бы начал его дарить... А тогда они догадались бы... Хитрюга Джеральд мигом бы все понял... Я и так опасаюсь, что он... – Якш резко оборвал речь и отвернулся.

– Старейшина Цукеркопф считает, что люди построят из этого камня укрепления, – осторожно заметил Главный Советник. – Он говорит, у нас не останется свободного выхода наверх. Негде будет развернуть шарт и начать правильную атаку. Он говорит, мы окажемся заперты.

– Старейшина Цукеркопф – идиот, – язвительно прокомментировал Якш. – Считает он, видите ли! Ох, просчитается... впрочем, уже просчитался. Кстати, люди начали строить эти самые стены?

– Начали, Владыка.

– Вот и хорошо.

– Хорошо?! – ошарашенно переспросил советник.

– Великолепно! – усмехнулся Якш. – Неужто не понял? Раз будут стены, значит, не будет конницы! На стенах ей де-

лать нечего. Люди будут защищать стены, а значит, встретятся с нами пешими.

– Они будут стрелять со стен, – заметил советник.

– Разумеется, будут, – кивнул Владыка. – Не считаешь же ты их полными недоумками. Они лучше нас стреляют из луков, зато мы куем самые прочные в мире щиты и доспехи. Долго ли гному разнести стену, построенную человеком?

– Вы хотите сказать...

– Я хочу сказать, конницы там не будет. Шарт развернется на развалинах этих пресловутых укреплений. Если мы, конечно, успеем...

– Старейшина Цукеркопф собирался поднять вопрос насчет камня в Совете Мудрецов. Он уже говорил об этом со старейшиной Унтершенкелем и старейшиной Шенкенрехтом.

– У старейшины Унтершенкеля третий внук все еще не женат, – меланхолично заметил Якш. – А старейшина Виммер Шенкенрехт золото любит больше своих убеждений...

– Я понял, Владыка, – кивнул Главный Советник.

– А старейшина Цукеркопф уже утомил меня... – Якш усмехнулся. – Я бы хотел отдохнуть от его мудрости.

– На какое время, Владыка?

– Навсегда, советник.

– Будет исполнено.

– Надеюсь.

Гулко ударил золотой колокол. Раз и еще раз. Срочная

весть. В открывшуюся каменную дверь, тяжело ступая, вошел с ног до головы закованный в лучшую подгорную броню командир личной охраны Якша.

– Прибыл гонец, Владыка, – промолвил он. – Обвал в Западном Секторе.

– Опять в Западном, – обреченно прошептал Якш. – Опять...

– Зови, – приказал он своим обычным повелительным тоном.

– Тысяча сто тридцатая шахта Западного Сектора, Седьмого Глубинного яруса, Владыка... – доложил запыхавшийся гонец.

– Рухнула? – обреченно поинтересовался Якш.

– Полностью, Владыка, – в глазах гонца мерцала скорбь.

– Сколько? – одними губами прошептал Якш.

– Что – сколько, Владыка? – не понял гонец.

– Сколько погибло, тупица?! – рявкнул Подгорный Владыка.

– Два ремонтных отряда... и еще спасателей завалило.

– Каких еще спасателей?! Кто посылал?!

– Смотритель Западного Сектора отправился с отрядом из десяти гномов разобрать завал, – испуганно отозвался гонец. – Вот только их самих завалило.

– Кто отправился?! – взвыл Якш.

– Смотритель Западного Сектора, – недоуменно ответил гонец.

– Смотритель Западного Сектора?! Сам?! – в голосе Якша зазвенел откровенный ужас.

Гонец кивнул, испуганный пуще прежнего.

– Его тоже завалило? Да?! Нет?! Говори же... ну!!

– Завалило... – выдавил из себя гонец.

Якш замер. Замолчал, уставясь в никуда. Созерцая нечто, видимое лишь ему одному.

– Значит... он тоже?! – наконец спросил Подгорный Владыка, мучительно подбирая слова. Но гонец его понял. А чего тут было не понять?

– Он... да, Владыка... он тоже...

Якш любил повторять, что у него нет и не может быть друзей. Какие друзья из подданных? Но в обществе Смотрителя Западного Сектора он позволял себе смеяться. И разве нужны еще какие-то слова, какие-то объяснения? Все ясно и так. Будь на месте Якша кто другой, и гонец обнял бы его, хлопнул по спине, сказал что-нибудь утешительное. Тут ведь главное – суметь заплакать, а дальше легче, дальше уже ничего. Вот только перед ним стоял сам Якш. Подгорный Владыка. И ничего нельзя было сделать. Ничего. Слишком велика пропасть между обычным гномом и Властелином Глубин.

– Дальше... – выдохнул Якш.

– А дальше – все, Владыка, – промолвил гонец. – Там теперь камень так поет, что никто уж больше подойти не отважится. Тысяча сто тридцатой шахты больше нет, Владыка.

– Иди, – выдохнул Якш, глядя на гонца почти с ненави-

стью.

Ненароком поймав взгляд своего Владыки, гонец вздрогнул и, кланяясь, вылетел за дверь.

Дрожащая рука Якша нашарила в складках одеяния склянку с бесценным эликсиром. Якш зубами рванул пробку, и «Слеза Гор» побежала по его жилам.

Сразу отпустило. Чернота в голове сменилась прозрачной ясностью горного хрусталя. Отчаяние – равнодушием.

Прав был отец. В ремонтные и спасательные отряды назначают врагов и дураков. И тех и других у государя обычно достаточно. Научиться бы еще запрещать друзьям... не пускать друзей... А как их непустишь? Впрочем, теперь это уже не проблема. Кажется, в этой несчастной шахте погиб последний, с кем он мог бы запросто выпить пива и посплетничать о склоках в Совете Мудрецов и сварах Мудрых Старух, проделках Невест и неблаговидном поведении достойных гномов. А теперь все. Его больше нет. Он погребен навечно, и обезумевший камень поет ему свою погребальную песню.

«А я даже заплакать не могу. Владыки не плачут. Не спят, не едят, не трахаются, а только денно и ночью заботятся о благе своих падких на заговоры подданных...»

Якш медленно выдохнул и повернулся к своему Главному Советнику.

– Ну что скажешь? – спокойным, бесцветным голосом спросил Владыка.

– Мои соболезнования, Владыка, – мгновенно отозвался тот.

Якш улыбнулся, как белая подгорная гадюка.

– О да... – прошипел властелин всех гномов Петрии. – Конечно, Владыка скорбит... он скорбит о каждом погибшем гноме. Но ты, знаешь ли, можешь засунуть себе в задницу все свои соболезнования! Ты не для того здесь сидишь. Понимаешь ли ты, что означает обвал именно этой шахты?!

– Мы опаздываем, Владыка, – опустил глаза советник. – Мы безнадежно, страшно опаздываем...

– И сколько нам еще осталось, можешь ты мне сказать?

– Только приблизительно, Владыка. Для более точного ответа потребуется время.

– Так сколько? – настаивал Якш.

– Не больше тридцати лет, Владыка. Это если повезет.

– А ведь там был лучший крепеж! – с недоумением воскликнул Якш. – Самый лучший. Он должен был выдержать! Если мы потеряем Западный Сектор...

– Наши доходы уменьшатся втрое, – вздохнул советник.

– А расходы возрастут! – воскликнул Якш. – Почему это произошло?!

– Что-то пошло не так... – развел руками Главный Советник.

– Что-то!!! – взбесился Якш. – И это говоришь мне ты! Ты, который должен в точности знать и доложить мне, что именно пошло не так, где и по каким причинам это произо-

шло и что следует делать теперь?!

– Владыка может всегда казнить своего нерадивого слугу, – склонился Главный Советник.

– Я уже сорок лет слышу от тебя эту отговорку, – скрипелся Якш. – Скажи лучше, как там наш «безбородый безумец»?

– С отличием окончил Марлецийский университет и отбыл к своему герцогу, Владыка, – ответил Главный Советник.

– Дай-ка мне его последнее донесение, – приказал Якш.

– Ты? – Герцог Олдвик был удивлен и... да, обрадован. – Явился все-таки!

Шарц низко поклонился человеку, на чьи деньги он закончил Марлецийский университет, человеку, который предложил ему место, человеку, который, оказывается, ждал его... человеку, которому он солгал тогда, в самом начале, которому будет лгать и дальше. Слишком удачно он подвернулся, этот наивный, щедрый и неглупый человек. Слишком удобно расположены его земли. А должность шута, совмещаемая с должностью врача... это же сколько возможностей!

Разведчик не имеет права не воспользоваться такой роскошной ситуацией, а всякие разные моральные терзания он может засунуть себе в задницу и заткнуть пробкой, нет у него права на такую роскошь, как мораль. Он сволочь. Абсолютно аморальная сволочь.

– Только не говорите мне, что я вырос, ваша светлость, –

усмехнулся Шарц, – все равно ведь не поверю!

«Вот, герцог, я опять здесь, опять лгу тебе, мне наплевать на мой рост, знаешь? Я ведь нормальный. Но по „легенде“ я должен беспокоиться за него. Я уже так привык к этому, что и в самом деле порой чувствую себя коротышкой. Это немного пугает. Впрочем, ты ведь не станешь утешать меня? Ты не настолько глуп, чтоб сделать несчастному карлику еще больнее».

– Вот еще! – ответно ухмыльнулся герцог. – Я тебя, кажется, приглашал в качестве шута. А шутов не утешают. Над ними насмеваются.

«Потрясающе, герцог Олдвик! Ты так высоко меня ценишь, что аж неудобно!»

– Отлично, ваша светлость, это именно то, что я надеялся услышать! – промолвил Шарц.

– Вот как? Что ж, рад, что угодил тебе! – ухмылка герцога сделалась еще шире.

«Ого! А это еще что такое? Экзамен на должность шута? Кем это надо быть, чтоб сам герцог стремился угодить тебе? Уж явно не одним из его подданных! А я еще даже и таковым не стал».

– Должно быть, эта фраза чудовищно пугает ваших слуг, – после некоторого молчания проговорил Шарц.

– Угадал. Это моя любимая фраза, когда мне охота пошутить за чужой счет и есть повод для этого.

– Например, слуга провинился, – подсказал Шарц.

– Вот именно, – подтвердил герцог.

– А чем провинился я?

– Не знаю еще. Узнаю – скажу, – добродушно заметил герцог.

– То есть это предварительное наказание?

– Тебя накажешь... никакого трепета!

– А что, должен быть трепет?

– Спрашиваешь! Еще какой!

– Ну да, ну да, слуги небось в обморок падают, услышав, что герцог «рад, что им угодил»! Это ведь их работа – угождать ему.

– Как верно ты все понимаешь! – восхитился герцог. – И почему только не следуешь своему пониманию?

– То есть не поступаю как все? – уточнил Шарц.

– Ну да, – кивнул герцог.

– Я же шут, ваша светлость, – как маленькому, пояснил Шарц. – Мне положено делать все шиворот-навыворот. Иначе смеяться никто не станет.

– Ах, вот оно что...

– Кстати, ваша светлость, раз уж вы меня без вины наказали, надо бы с вас какой-никакой штраф взять, – невинно заметил Шарц.

– Что?! – шутливо возмущился герцог. – Я обещал тебя не казнить, так ты и пользуешься!

– Всего одну монету серебром, ваша светлость. Видит бог, это вас не разорит!

– Да что ты себе позволяешь? Думаешь, я на тебя управу не найду?!

– Я так и думал, что вы согласитесь, – невозмутимо парировал Шарц. – Значит, одна серебряная монета.

– Нет уж! – в притворном ужасе воскликнул герцог. – Этак ты меня за год по миру пустишь! Медяк, не больше!

– Ну медяк так медяк, – пожал плечами Шарц. – Все одно – денежка.

– Можешь отсчитать его от той суммы, что я тебе на обучение пожертвовал, – обрадовался герцог. – Кстати, если эту сумму вычесть из твоего жалованья, это сколько же лет тебе бесплатно меня смешить придется?!

У Шарца отвисла челюсть. А довольный своей неожиданной придумкой герцог показал ему нос, а потом, не удержавшись, еще и язык.

«Вот как! Уел я тебя!» – огромными буквами было написано на его счастливой физиономии.

– А мне будет позволено иногда воровать еду с кухни? – наконец нашелся Шарц.

– Возможно, – милостиво кивнул герцог.

– Тогда к чему мне какое-то жалованье? – с аскетическим блеском в глазах спросил Шарц.

– Придется мне милостыню тебе подавать, а то, пожалуй, ноги протянешь, – задумчиво сообщил его светлость.

– А я меньше серебряной монеты не беру, – отпарировал Шарц.

– Вот еще! – фыркнул герцог. – Да где ж это видано, чтоб нищим серебро подавали?

– А я – очень гордый нищий, – пояснил Шарц. – Я ведь не чей попало нищий, а лично ваш, герцогский. Мне честь не позволит всяким там медякам кланяться.

– Далась тебе эта серебряная монета! – рассмеялся герцог. – На, получи!

На ладонь Шарца легла новенькая серебряшка.

– Благодарю, ваша светлость, – поклонился Шарц. – У вас найдется кинжал?

– Тебе срочно потребовалось меня ограбить или решил свести счеты с жизнью, выяснив плачевную судьбу собственных финансов?

– Ни то, ни другое, – покачал головой Шарц. – Ваши предложения недостаточно смешны.

– Держи, – на его ладонь лег кинжал, по виду совсем не герцогский.

«Какая странная сталь, – подумал проснувшийся в нем оружейник, не наша и не человечья... никогда такой работы не видел!»

Острие кинжала легко пробило серебро монеты. Шарц нарочно уколол еще и палец, так чтоб на кинжал и на монету попало немного его крови.

– Я не дворянин, чтоб давать вассальную клятву, но мне претит служить просто за деньги, как ваши слуги, – тихим серьезным голосом сказал он. – Ваша Сталь, ваше Серебро и

моя Кровь. Я ваш, пока вы не заберете у меня свою монету.

Шарц протянул герцогу кинжал, проколотую же монету надел на тонкую серебряную цепочку. Такая была у каждого студента Марлецийского университета. Большинство не снимали их и по окончании оного.

– С этого момента я – ваш шут, ваша светлость!

– Вот-вот, – вдруг буркнул герцог. – Ты мне тут клятвы приносишь, а я даже имени твоего не знаю. В тот раз ты мне его не назвал и в этот раз молчишь. А я все спросить забываю. Никогда не забывал, а с тобой забываю. Забалтываешь ты меня как-то, что ли... Ты не шпион, часом?

Тайный агент внутри дрогнул и напрягся. Шарц снаружи безмятежно улыбнулся.

– Шпион, – сказал он.

– Вот как? – обрадовался герцог. – И чей же?

– Марлецийский, конечно, – усмехнулся Шарц. – Вы разве не знаете, что теперь в Марлеции шпионов только из недомерков делают, чтоб их честные люди ни с кем другим не перепутали?

– Так вот оно что, – понимающе покивал герцог. – Тогда больше всего марлецийских шпионов в этой... как его... в Петрии, вот!

– Еще бы! – подхватил Шарц. – Там их просто видимо-невидимо! Говорят, они там обросли бородами, пристрастились к пиву, выдумали собственный язык и окончательно одичали. Но у меня совсем другое задание, милорд.

– Да, и какое же?

– Служить вашей светлости, конечно!

– Ты меня окончательно заболтал, – махнул рукой герцог. – Ну почему я не могу удержаться от болтовни, когда общаюсь с тобой?

– Потому что в глубине души вы такой же шут, ваша светлость, – поведал Шарц. – Просто ваш долг герцога мешает проявлению ваших лучших душевных качеств. А со мной вы расслабляетесь.

– Все! – решительно проговорил герцог. – Хватит. Назови свое имя.

– Хью Одделл, ваша светлость, – поклонился Шарц. – Хью Одделл к вашим услугам.

– Ну вот, – пожал плечами герцог. – Имя как имя... Было б чего скрывать. Хорошего старого корня имя.

– Так разве ж я скрывал? – пригорюнился Шарц. – Я так рвался назвать его вам, милорд, но вы постоянно отвлекали меня разными умностями.

– Ты хочешь сказать, глупостями?

– Это не я, это вы говорите, ваша светлость. А я б нипочем не осмелился.

– Нахал, – буркнул герцог.

– Шут, – возразил Шарц.

– Все равно нахал!

– Рад стараться, ваша светлость.

– Пойдем, представлю тебя ее светлости, – сказал герцог. –

Кстати, не дрожи за свой карман, будет тебе жалованье.

– Да я как-то и не сомневался, – беспечно промолвил Шарц.

– И это вместо «спасибо», – иронически покачал головой герцог.

– Пожалуйста, ваша светлость!

– И о чем я думал, когда обзаводился шутом?

– Боюсь, вам еще только предстоит освоить этот много-трудный, но увлекательный процесс, герцог. Но не печальтесь, я вам помогу.

– И зачем я обещал тебя не казнить? – сам себя спросил герцог.

– Глупость сваяли, – безжалостно прокомментировал шут.

– Хоть жену мою пощади!

– Это приказ? – ухмыльнулся шут.

– Нет! Нижайшая просьба! – рассердился герцог.

– Подайте ее в письменном виде, – скривился шут. – Впрочем, я все равно такие бумаги не читаю. Почему бы вам не приказать?

– Приказываю! – прорычал герцог.

– Вот так бы сразу! – обрадовался шут. – Слушаюсь, ваша светлость!

И получил от герцога такой увесистый подзатыльник, что кубарем пролетел коридор, лбом открыл дверь и оказался на четвереньках у ног прекрасной дамы.

– Ой! – сказала она. – Ты кто?

– Гав, – попробовал Шарц. – Гав-гав! Нет. Это не то. Мур. Мур-мяу?! Опять ошибка? Здравствуйте, ваша светлость, миледи герцогиня! Так правильно?

Она уже смеялась.

– Так тоже неправильно, потому что я не герцогиня. Я – служанка ее светлости. А ее светлость там, – она показала на следующую дверь. – Как о вас доложить?

– Я сам доложу, Полли, – сказал герцог, входя в комнату.

– Добрый день, милорд, – поклонилась служанка. – Этот человек, он с вами? Он так странно вошел...

– У милорда герцога очень своеобразный способ знакомить новых слуг с обстановкой замка, – поведал ей Шарц. – Клянусь, дверь этой комнаты я никогда не забуду!

– Сейчас еще получишь, – посулил герцог.

И Шарц, зажав рот рукой, в притворном ужасе ухватился другой за закривок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.